

В. В. Галиндабаева, Н. И. Карбаинов

КАРЫМЫ И МЕТИСЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ МЕТИСАЦИИ В БУРЯТИИ

В статье мы обращаемся к феномену этнически смешанных групп, которые оформились на территории Республики Бурятия в дореволюционный период, — это карымы, и группа «метисов», которая стала формироваться в советский период и продолжает существовать после распада Советского Союза. На этих двух примерах мы демонстрируем, как формируются и сохраняются этнические границы в разных исторических и политических контекстах.

Вслед за Ф. Бартом мы рассматриваем этнические границы как сложные правила организации поведения и социальных отношений, регулирующих межэтнические социальные контакты. Этнические границы поддерживаются с помощью ограниченного набора культурных признаков. Устойчивые межэтнические отношения предполагают набор предписаний, регулирующих ситуации контакта, набор запретов на определенные социальные ситуации, социальные санкции и культурные механизмы инкорпорации новых членов [Барт 2006: 18–36].

На примере села Хасурга мы рассмотрим группу «карымов», которая образовалась в ходе колонизации Сибири русскими первопроходцами, и проследим ее историю до современного периода. Данный кейс мы исследуем на основе этнографических данных, а также пилотного полевого исследования в с. Хасурга в 2013 г. Далее мы уделим внимание группе «метисов», которая начала формироваться уже в советский период в столице республики в связи с политикой конструирования больших групп и групповых прав. В данном случае мы опираемся на анализ интервью, собранных в городе Улан-Удэ, материалов сайтов «Сайт бурятского народа» (www.buryatia.org) и «ВКонтакте» (www.vkontakte.ru).

Семейские и карымы

Этнографические исследования по теме «миксации», или «метисации», населения в Забайкалье дают достаточно подробное описание карымов и их быта. Карымами называли потомков крещеных бурят, которые впоследствии брали жен из русских и смешанных русско-бурятских семей [Власова 1975: 22–23]. Название происходит от бурятского слова «харим» — чуждый, отчужденный, отделившийся [Бураева 2000: 184–185].

История с. Хасурта Хоринского района республики представляет собой яркий пример формирования карымского населения. Село основали крещеные буряты в 1804 г. Однако существует легенда о том, что тайша сослал крещеных бурят в лесную местность, непригодную для скотоводства, так как решил наказать их за принятие другой веры [Иванов 2009: 12]. По свидетельствам этнографов, крещение в основном принимали бедные представители бурятского населения. Так, Ровинский пишет, что миссионерская деятельность проводилась в первую очередь административными методами, так как миссионеры не владели языком будущей паствы и не имели переводчика. Губернатор указывал исправникам, а далее заседателям, тайшам и бурятским старшинам количество инородцев, которых необходимо крестить. В свою очередь бурятские старшины уговаривали бедняков, которыми тяготился весь улус, принять христианство [Ровинский 1875: 240]. Принятие христианства приносило свои выгоды беднякам. Бурятской семье, перешедшей в православие, выдавали денежную ссуду в 127 руб., строили для нее дом, а иногда и освобождали от подати [Болонев 1992: 62]. Хотя большая часть инородцев, по многочисленным свидетельствам этнографов, крестилась несколько раз ради получения подарка, например рубахи, однако после крещения возвращались к своей обычной жизни, находились и те, кто принимал оседлый образ жизни и перенимал русский быт. К концу XIX в. численность крещеных инородцев в Забайкалье превышала уже 29 тыс. человек [Кауфман 1900: 8].

Крещеные буряты переводились из разряда кочевых инородцев в разряд оседлых инородцев (а некоторые и в разряд крестьян), которые уже облагались оседлой податью, а не ясаком. Оседлые ино-

родцы разных родов Хоринского ведомства были расселены по долине реки Курбы. Они образовали Курбинское отдельное общество в рамках Хоринской степной думы [Иванов 2012: 4–3]. К этому обществу относились и оседлые инородцы с. Хасурта.

К середине XIX в. в село стали переселяться старообрядцы из с. Куйтун. С их приходом часть крещеных инородцев перешла в раскол, однако православные инородцы и инородцы-раскольники продолжали причисляться к Курбинскому отдельному обществу Голзотской инородческой волости Хоринской степной думы. Старообрядцы же принадлежали Кульской волости Верхнеудинского округа. Таким образом, население Хасурты принадлежало формально двум земельным обществам — инородческому и крестьянскому. Инородческое земельное общество находилось в более выгодном положении, чем крестьянское, так как владело большим количеством земли в силу того, что первым заселилось на эту территорию. Также инородческое общество не принимало и не желало делиться пахотными землями с крестьянами, хотя достаточно охотно принимало на поселение оседлых инородцев даже из других родов [Иванов 2012: 6–7]. Таким образом, распределение земли в условиях ее дефицита было основным спорным вопросом между двумя обществами.

Если для властей крещеные буряты меняли свое положение в классификации инородческого населения и переходили в разряд оседлых, то на локальном уровне сельчане делились по религиозному принципу. Село разделялось на два конца: на одном жили оседлые инородцы, оставшиеся в православии с приходом семейских¹, — карымы, а на другом — старообрядцы, в число которых входили и инородцы-раскольники, — семейские. У каждого конца были своя церковь и свое кладбище.

Н. М. Ядринцев, опираясь на свои наблюдения, а также на работы А. П. Щапова и П. С. Палласа, пишет, что «своеобразный полуинородческий тип карыма не представляет резкого безобразия: некоторые находят его даже красивым в европейском смысле» [Ядринцев 1891: 178]. Карымы свободно владели русским

¹ Название старообрядцев в Забайкалье.

и бурятским языками. В селе Хасурта, которое окружено лесами со всех сторон, карымы занимались в основном охотой, рыболовством и огородничеством. Хлебопашеством, как старoverы, занималась совсем небольшая часть карымского населения [Иванов 2012: 43]. Карымы поддерживали межбрачные отношения, в первую очередь с карымским населением села Унэгэтэй, которое формировалось по такому же принципу, как и Хасурта, и делилось на два конца — карымский и семейский [Шендерова 2002].

Примечательно, что православные инородцы, перешедшие в раскол, становились семейскими, а не оставались карымами. Как указывал Ф. Ф. Болонев, старообрядцам запрещалось разделять общение с инаковерующими в «ядении, питии и любви». Однако если человек другой веры перекрещивался в старообрядчество, то все запреты снимались [Болонев 2001: 29]. Таким образом, принятие старообрядчества было механизмом инкорпорации инородцев в группу семейских. Принятие православия не играло такой роли в случае русского населения.

Родоначальниками таких старообрядческих семей Хасурты, как Брылевы, Бурдуковские, Занадворовы, Мартыновы, Малковы, Салтановы, Серпионовы, были крещеные буряты, которые получали с крещением русские имена и фамилии [Иванов 2012]. В 1875 г. уж 375 бурят исповедовали старообрядчество на территории Бурятии [Болонев 1996: 35]. С принятием старообрядчества потомки крещеных бурят полностью принимали быт и традиции ведения хозяйства, которые были приняты у семейских. Межбрачные связи старообрядцы поддерживали также в основном со старообрядцами Унэгэтэя. Однако государство продолжало причислять эти семьи к разряду оседлых инородцев.

Брачные связи между населением двух общин были под запретом. Так, Павел Петрович Вахрушев (из карымов) женился на Варваре Ивановне Мартыновой (из семейских). Их единственный сын Михаил также женился на семейской женщине. Мировой суд потребовал расторгнуть брак с раскольницей. За отказ следовать предписанию Михаила отлучили от православного прихода, и в последующем эта семья не посещала ни православные, ни старообрядческие богослужения [Иванов 2012: 43].

Деление сельчан на карымов и семейских сохранялось вплоть до советского периода. Размывание границ между двумя общинами началось в связи с новой национальной политикой конструирования больших групп [Слезкин 2001] и антирелигиозной борьбой. Для Советского государства оседлые инородцы и крестьяне стали колхозниками, а религиозная принадлежность потеряла свое былое значение. Все население Хасурты стало причисляться к русским.

На локальном уровне такое изменение в национальной и религиозной политике обусловило размывание границ между двумя сообществами и увеличение браков между их представителями. Этому процессу также способствовало и объединение всех семей в рамках одного колхозного хозяйства, обучение семейских и карымов в одной школе. Однако происхождение продолжает играть важную роль, особенно в случае старообрядческого населения, которое, в отличие от карымского, выработало механизмы сохранения своей религиозной идентичности еще в период Российской империи, когда оно было ограничено в правах и ссылалось в Сибирь за вероисповедание. Старообрядчество в отличие от православия дает возможность выполнять почти все значимые ритуалы вне храма и без помощи священника, поэтому и в советское время уставщицы продолжают совершать обряды в селе [ПМА 2013]. Устойчивость семейской идентичности во многом предопределила устойчивое воспроизводство карымской идентичности.

После 1990-х годов в селе происходит возрождение именно культуры семейских. Школа во многом стала проводником этого процесса. В 1995–2005 гг. школа реализует проект дополнительного образования «Школа–социум. Русская школа», который включает три программы: «Через тропу Аввакума в страну Беловодья», «Семейское многоголосье», «От малого зернышка к спелому колосу». При школе образован фольклорный ансамбль «Матрешка», в котором дети изучают семейский фольклор, народные костюмы, народные танцы и т.п. [Иванов 2009: 155–158]. На уроках труда девочки обучаются прясть семейские пояса на домашних станках, а мальчики — столярному мастерству. В селе готовят к открытию «Семейскую горницу» — музей семейского быта

и одновременно гостиницу. Возрождается церковь. [ПМА 2013]. Таким образом, русская культура в данном селе, по сути, ассоциируется с семейскими традициями, а не с карымскими.

Метисы

Слова «метис» и «креол» стали использовать в отношении смешанного населения в разных частях мира во времена колониальной экспансии [Вахтин и др. 2004: 19]. В Бурятии слово «метис» начало широко употребляться только в советский период. До революции на уровне повседневного языка использовались слова «карымыватый» или «брацковатый».

Однако научный дискурс конца XIX в. широко применял термин «метис» для описания населения Восточной Сибири. Именно во второй половине XIX в. раса и расовая теория прочно вошли в язык российской антропологии и этнографии [Могильнер 2008]. С точки зрения ученых того времени, русское население Забайкалья, как и других частей Восточной Сибири, метисировалось с инородческим, и этот процесс происходил постоянно. «Брацковатый» тип населения чисто русских сел и деревень подтверждал их выводы [Ядринцев 1891: 175]. Дело в том, что правительство, желая решить проблему недостатка «жонок» для служилых людей в Сибири, выпустило несколько особых постановлений, которые регулировали церковные браки русских служилых людей с крещеными инородческими женщинами [Щапов 1906: 425–428].

Таким образом, с точки зрения физической антропологии большая часть русского населения Забайкалья была подвергнута «обынородчиванию», или ассимиляции, со стороны инородцев, что проявлялось в его фенотипе, манере и образе жизни. Метисации были подвергнуты представители всех сословий, особенно казачье, однако только группа карымов была маркирована как смешанная на локальном уровне.

В советский период слово «метис» переходит из научного в повседневный дискурс населения республики. Метисами стали называть потомков от русско-бурятских браков независимо от их религиозной и классовой принадлежности. Актуализация данно-

го понятия в повседневности тесно связана с национальной политикой Советского Союза.

В рамках национальной политики Советское государство отстаивало права не только пролетариата, но и больших этнических групп, институционализации которых способствовала все та же советская политика выделения национальных территорий и коренизации бюрократического аппарата и интеллигенции республик. СССР было первым государством, которое институционализировало этнотерриториальный федерализм, классифицировало всех своих граждан по биологическому происхождению и официально предписывало привилегированный режим для определенных этнических групп [Слезкин 2001: 329–330]. Так, соблюдая принцип «национальное по форме, социалистическое по содержанию», бурятская социалистическая нация получила собственное государственное образование (Бурятскую АССР), систему квот, бурятскую политическую и интеллектуальную элиту, литературный язык (который половина бурятского населения не понимает).

Население республики стало делиться на «коренное» (бурят, эвенков) и «пришрое» (русских, украинцев, татар и др.). Как замечает Ю. Слезкин, определение национальной группы в каждом конкретном случае требовало от этнографов определения главного индикатора, в роли которого могли выступать религия, культура, быт и т.п. Однако в Сибири вспомогательным критерием к вышеуказанным иногда относили и физический «расовый», или «соматический», тип [Там же: 343].

Наше исследование показывает, что в ходе советской модернизации, которая во многом способствовала унификации стиля жизни населения Бурятии, расовые признаки становятся важными индикаторами этнической принадлежности в регионе и организующим принципом границ между двумя самыми большим этническим группами республики — русскими и бурятами. Формирование группы метисов служит ярким доказательством этого.

По данным переписи 2010 г., 313 жителей Бурятии в качестве национальной принадлежности указали, что они метисы [Басаев 2012]. Однако, так же как и «карымы», «метисы» невидимы для

государства, а эта категория приобретает значение в первую очередь в ситуации социального взаимодействия.

Актуализация идентичности «метисов» происходит в процессе взаимодействия с «чистыми» представителями «этносов», по мнению которых они являются «смешанными»: «Где-то с пяти лет меня стали спрашивать, почему я не похожа на маму: сама черненькая, глаза темные. Говорил, глаза лучше с мылом мой и т.п. Я говорю, у меня папа бурят. Говорят, нет, ты что-то совсем на бурятку не похожа, ты похожа на узбечку, или на татарку, или там еще на кого...» [ПМА 2008]. Кроме интервью, такие же высказывания можно встретить в обсуждениях группы «Мы — метисы!», которую основал уроженец Улан-Удэ и в которой из 2 тыс. человек 200 проживают в Бурятии и Иркутске: «...а меня везде за “не свою” принимают! В Монголии пока училась — за русскую, в Москве, Новосибе, Иркутске — за буряточку, в Бурятии — метиской считают!» [ВКонтакте 2013]. Таким образом, фенотип стал важным культурным признаком принадлежности к этнической группе, так как в первую очередь категоризация происходит по расовым признакам, а потом уже по религиозному или другому.

В условиях, когда идентичность постоянно ставится под сомнение окружающими, те, кого называют «метисами», предпочитают различные стратегии выстраивания своей этничности: 1) выбирают одну этническую идентичность; 2) идентичность выбирают по ситуации; 3) переходят к общегражданской идентичности «русский» — «россиянин» [Галиндабаева 2008].

В данной статье мы попытались показать, как происходят формирование и размывание межэтнических границ на локальном уровне в Бурятии в разных социальных и политических контекстах. В случае с Хасурты религиозная принадлежность являлась важным принципом проведения границы между двумя общинами. В случае метисов религиозность играет второстепенную роль, а на первый план выходит фенотип или расовые признаки, то есть происхождение. Важно отметить, что ни в случае карымов, ни в случае метисов локальные границы не совпадали и не совпадают с формальными, то есть с теми, которые устанавливает государство.

Источники

Группа «Мы — метисы!» на сайте «ВКонтакте», обсуждение «Ты кто по национальности?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-313734_344554 (дата обращения: 10.08.2013).

ПМА 2008 (г. Улан-Удэ, Республика Бурятия).

ПМА 2013 (с. Хасурта, Республика Бурятия).

«Сайт бурятского народа»: www.buryatia.org.

Библиография

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006.

Басаев С. Бурят меньше, чем якутов, но больше, чем сибиряков // Газета «Новая Бурятия». 2012. 16 янв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newbur.ru/articles/5911> (дата обращения 12.08.2013).

Болонев Ф. Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1985.

Болонев Ф. Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1992.

Болонев Ф. Ф. Духовная культура и быт русских крестьян старожил Юго-Восточной Сибири. Семейские Забайкалья: дис. в виде науч. докл. Новосибирск, 1996.

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. 2-е изд. Барнаул, 2001.

Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII — середине XIX в. Улан-Удэ, 2000.

Вахтин Н., Головкин Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.

Власова И. В. Поселения Забайкалья. История возникновения поселений // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2: Забайкалье. С. 21–33.

Галиндабаева В. В. «Иногда я русский, а иногда бурят»: стратегии конструирования «метисности» в молодежной среде Бурятии // Современные молодежные сообщества в культуре и политике / под ред. В. В. Костюшева. СПб., 2008. С. 12–27.

Иванов В. Ф. У нашей школы доброе лицо...: Хасуртайской средней образовательной школе — 100 лет. Улан-Удэ, 2009.

Иванов В. Ф. В глубь уходящие корни. Хасурта. Улан-Удэ, 2012.

Кауфман А. А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. // Сибирский сборник (приложение к «Восточному обозрению»). Иркутск, 1900. Вып. 2.

Могильнер М. Homo Imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2008.

Ровинский П. А. Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. 1875. № 11. С. 230–255.

Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 329–374.

Шендерова И. Верх и низ села Унэгэтэй // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты: Альманах-исследование / отв. ред. М. Я. Рожанский. Иркутск, 2002. С. 20–25.

Щапов П. А. Этнографическая организация русского населения // Щапов А. П. Сочинения: в 3 т. СПб., 1906. Т. 2.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

Abstract

The article is concerned with the issue of “mixed groups” that emerged in the Republic of Buryatia in different historical and political contexts. On the one hand we consider ethnically mixed group of Karymy that was formed in pre-revolutionist period. On the other hand we look at the group of Metis (the descendants of Russian-Buryat marriages) that emerged during the Soviet period and still actual after 1990-s.